

Александр АНТИПЕНКО:

«Почему бы»

«Мы стояли и любовались зорями. Огромный серебряный диск луны выкатился из-за гор... Профессиональная привычка кинооператора оторвала меня от праздного любования красотой. Мне захотелось зафиксировать первозданную луну на пленке».

Я быстро нацелился объективом на луну, и луна вкатилась в камеру, просветила собой пять метров кинопленки и выкатилась в горы...

Настоящая луна, снятая над Эрзи, светит в фильме «Мольба».

(А.Антипенко «Как снимали «Мольбу»)

— Настоящая луна... Ты своим профессиональным опытом с кем-нибудь делился?

— Лет пять или семь я преподавал на курсах повышения квалификации при Гостелерадио на Шаболовке. Ребята приезжали отовсюду — от Камчатки до Калининграда, привозили свои работы. Я понял, что научить просто так, на словах, без рукоделия невозможно. Наше дело-то невербальное. Здесь нужны талант, глаз, чутье, руки, умение. И если не буду все время что-нибудь фиксировать, ничему своих коллег-операторов не научу. Я ввел курс фотокомпозиции — репортаж, репортаж в интерьере, портрет, натюрморт. Причем натюрморт может быть постановочный, а может быть естественный. Делаешь яичницу на кухне — сними: стряхиваешь пепел сигареты в пепельницу — сними. Есть искусство постановочное, а есть то, что ты видишь каждый день, — обрати на это внимание, сделай акцент, найди свет, ракурс и сними. Плюс еще ввел фотографию без фотоаппарата — фотограмму. Ставлю любой предмет, вот, например, этот стакан, беру фотобумагу, засвечиваю ее, делаю экспозицию на бумаге — так как свет преломляется в стекле, получаются необыкновенные узоры. Причем то, что лежит прямо в плоскости бумаги, прижимается — резко, то, что дальше, — нерезко. Чудо просто появляется.

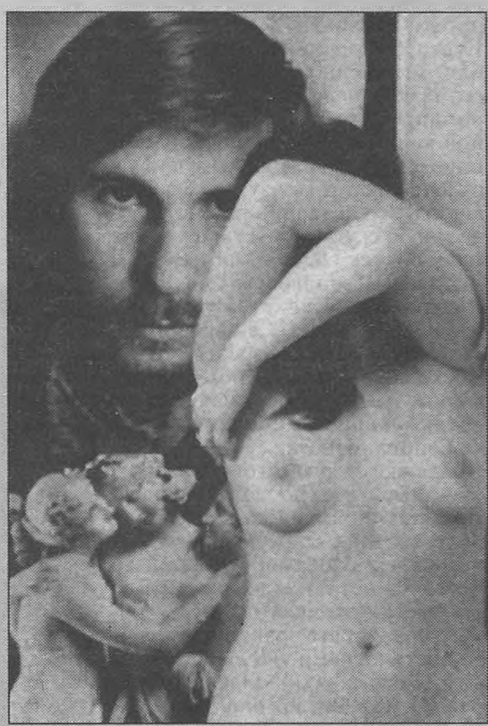
• Это не я придумал. Мне Сергей Павлович Урусовский рассказал, их так учил во ВХУТЕМАСе Александр Родченко. Он пришел однажды без фотоаппарата, и все были несколько разочарованы — где же его знаменитая «Лейка». А Родченко сказал: давайте с этого начнем. Я вспомнил Урусовского и тоже предложил ребятам. Они увлеклись и делали невероятные вещи. Одного из своих учеников встретил однажды в Лиссабоне. Это был Геннадий Куринной. Он работал в Португалии, на корпункте ТВ. Сказал, что приедет в Москву и мы обязательно встретимся. Через месяц я уехал на съемки, а когда вернулся, прочитал в газете, что Ногин и Куринной погибли в Югославии. Я собирал газетку, искал информацию, все еще надеялся, что Гена жив. У меня так и осталась его визитная карточка. Такая вот судьба.

Судьба... Если бы не было войны, я бы, наверное, оказался в университете — мой отец Иван Андреевич Антипенко был завхозом Киевского университета, ну как-нибудь по блату на исторический факультет он бы меня устроил. Не с первого, хотя с десятого раза. Отец погиб на фронте. Мы остались с матерью и братом, который родился в 41-м году, в Киеве. Во время войны наш дом разбомбили — мы жили на Московской улице, между заводом «Арсенал» и Киево-Печерской лаврой. Горел Киев, горел Успенский собор лавры, и когда мы проезжали через мост, я оглянулся и увидел, как в кино, горящую черную бумагу — она все время висела, висела в воздухе, я даже помню ее запах. Позже, прочитав «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова, сопоставил факты. Он пишет, что в подвалах Успенского собора хранились уникальные манускрипты — вся мудрость Киево-Печерской лавры, святой Руси. И что все это взорвали наши. Летевшая над городом горящая черная бумага, которую я видел, была следом тех самых сожженных манускриптов.

Мама еще рассказывала, что когда наступали немцы, начался страшный обстрел. Пули, пули летели, летели... Она держала меня за руку, Федю на руках, а сама подняла голову к небу и молилась: если убивать, то всех вместе, если пощадить, то всех. Произносила это как заклинание. Ничего не соображала, смотрела в небо и молилась. Солдаты нашли ее в окопе, куда она вместе с нами свалилась, и были потрясены, что мы живые. Чудо какое-то произошло. Правда, брат мой до сих пор заикается. У меня это проявилось во ВГИКе. Начинать говорить на семинаре — спазм перехватывал горло, ничего не мог сказать. Ни одного слова. В течение нескольких лет делал только письменные работы. Сейчас стало отпускать потихоньку. Но живы, живы...

ДОСЬЕ:

АНТИПЕНКО Александр Иванович. Кинооператор. Заслуженный деятель искусств России. Снял фильмы: «Киевские фрески» (режиссер С.Параджанов), «Сегодня — каждый день» (режиссер В.Савельев), «Мольба» (режиссер Т.Абуладзе), «Живая вода» (режиссер Г.Кохан), «Поклонник» (режиссер А.Хамраев), «Прошу слова» (режиссер Г.Панфилов) — приз за цветовое решение на МКФ в Барселоне, приз МКФ в Карловых Варах, «Аленький цветочек» (режиссер И.Поволоцкая) — Спецприз за использование нетиповой кинопленки СН-6М для создания сказочной атмосферы, «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» (режиссер В.Грамматиков), «Мно, мой Мно» (режиссер В.Грамматиков), «Осенние соблазны» (режиссер В.Грамматиков), «Маленькая принцесса» (режиссер В.Грамматиков) — «Ника» за операторскую работу, «Привет от Чарли-трубача» (режиссер В.Грамматиков) и другие. Как автор сценария, режиссер, оператор снял документальные фильмы «Семь минут с кинооператором Сергеем Урусовским» (диплом за режиссерскую работу на «Св. Анне»), «Спиваночки», «Хлопушка + Сайнекс в фильме «Маленькая принцесса».

И еще одна история. Перед войной отец потерял партийные документы. Искал, не мог найти. Мать ему говорит: сходи в Дарницу, там есть старая полька, она гадает и предсказывает. Отец поспотнел, но все-таки пошел. Старая полька пани Ванда сказала: возле окна — шкаф, а за шкафом — то, что ты ищешь. Так и оказалось. Мать на этой волне идет к пани Ванде со своими делами. Кстати, я уже родился, а Федя еще нет. Полька гадала, гадала и говорит: у вас родится второй сын, а потом начнется нечто страшное — страшное, погибнет муж, один сын останется при вас, второй уедет, уедет далеко и будет заниматься тем, что вы никогда не поймете. Тебе сейчас смешно, а когда я учился во ВГИКе, люди ее спрашивали: что ваш Шурик делает в Москве, в Киеве ведь ближе и тоже есть кинотехникум? А мама объясняла — здесь учатся на киномеханика, а там, в Москве, на главного киномеханика. Видишь, как все сбывается.

Мама еще жива, ей 84 года, болеет все время, плохо с ногами. После войны в землянке жили. Поселение Корниев Черниговской губернии (одна земля с Александром Довженко) — родина отца. Там мой дед все делал своими руками. Я помню, как был сделан забор, дубовые ворота, сгоревшие во время войны. Ладно, аккуратно, пригнано дощечка к дощечке. Деда сослали на Урал как куркуля, хотя какой он был куркуль. Он все делал своими руками, сады сажал. Долго еще это место называлось Антиповка. Сейчас там перекорчено, перепахано, никто ничего не найдет. Вот такая жизнь. Давай про кино.

— Давай. Про то, как и почему тебя потянуло в кино?

— Сейчас расскажу. Издалека можно? В Киеве поступил в ремесленное училище, выбрал специальность столяра-краснодеревщика. Счастливые были дни. Мне так нравилась эта профессия. А еще закончил курсы помощника киномеханика и показывал на «Украине» 16-миллиметровое кино. (Когда меня забрали в армию, и я понимал, что киномехаником там не пропадеешь, я подчистил документы: помощник стер — оставил только киномеханик, то есть, сам себя повысил). Так вот... Заканчиваю училище, и все время живу с мыслью — какая жутко длинная ночь, потому что меня отрывают от любимого дела, что-то строгать, клеить. Стружка длинная, как змея, высасывает, пахучая, смолистая. У нее особый запах. С этим запахом моя юность связана.

— А с запахом пленки у тебя тоже, наверное, многое связано?

— Конечно. Запах ацетона, запах самой пленки — позитивной и негативной. Это уже запах профессионального кино. Но вот слушай... Меня распределяют после училища на студию художественных фильмов в Киеве (она тогда еще не носила имени Довженко). А для краснодеревщика постоянная практика — важное дело. Иначе руки перестают чувствовать. Сейчас я уже все мастерство утерять. Ты посмотри, как сделана старая мебель. С какой любовью. Эти «ласточкины гнезда», соединения, шпунты, склейки, дерево в деревом, ясеня с ясенем и так далее. Словом, я попал на студию. Снимался фильм «Костер бессмертия» о Джорджано Бруно. Декорации были выстроены феноменальные — дворцы, венецианские каналы. Для меня это была сказка наяву. А рядом — вокзал, перрон. Марк

Донской снимал «Мать». Яркий свет, кто-то дает команду «Мотор», тишина в павильоне, идет съемка. На площадке — Вера Марецкая, которую я видел в «Сельской учительнице». Во сне такое не приснится. Вот где настоящая жизнь. Вот чем надо заниматься. А у меня всего семь классов. И я для себя все сразу решил. Записался в вечернюю школу, тут же купил фотоаппарат «ФЭД», книжку «Двадцать пять уроков фотографии», сам ее изучил, снимал своих ребят, ночью печатал. Через год уже участвовал в республиканской фотовыставке, получил свой первый диплом. На студии меня, мальчишку, сразу перевели в фотоцех. Перед армией я уже работал фотографом на фильме «Флаги на башнях». Делал фоторекламу. На кинофестивале в Карловых Варах была выставка фоторекламы, где я получил Почетный диплом, подписанный Вацлавом Йиру. Для меня тогда это был какой-то особенный человек. Он организовывал журнал «Фото-ревю». Я потом печатался у него, и до сих пор храню подписанный им диплом.

В армии после месяцев шести строевой, кто-то вспомнил, что я фотограф, на киностудию работал, — предложили сделать доску почета. Снимал солдат. Приехал проверять из округа: «Кто делал доску почета?» — «Рядовой Антипенко». У меня осталась газетка местная от 5 мая, в День печати, где нарисован шарж и подписано: рядовому фотографу, рядовому Антипенко. Проверивший отдал приказ направить меня в районную газету фотокорреспондентом. Снимал отличников боевой и политической подготовки. Через полтора месяца приезжает еще один начальник и говорит, что им нужен человек осваивать новую технику. Меня забирают в Бак. Выделяют помещение, дают какую-то странную кинокамеру. Я сам обрабатывал пленку, сам проявлял, сушил на веревках, как белье. В камере между кадрами были часы, то есть, снимаешь, и буквально каждая секунда отмечается. Я все это освоил. Потом меня забрали в Харьков, а уж затем в Москву в управление железнодорожных войск. Там я был штатный фотограф, штатный кинооператор. Наша часть в Бабушкино была подшефной стадиона в Лужниках, полковник Борисов был другом директора Лужников, и мы часто ездили на футбол. У меня даже есть уникальный снимок Лобановского. Снимал киевское «Динамо».

Но к тому времени я еще не закончил десятикласс. Пошел к полковнику с просьбой дать мне возможность доучиться. Разрешил. Вечером я ходил в школу, спасибо педагогам — помогли получить аттестат.

— Это что — одержимость какая-то?

— Только одержимость. Я уже готовился во ВГИК. А когда получил вызов из института, меня из армии на несколько месяцев раньше отпустили.

Помнишь, около ВГИКа была такая белая проваленная скамейка? Я сидел на ней еще в военной форме, с папкой фотографий под мышкой, сидел час, два, боялся войти во ВГИК. Думал, поеду на вокзал, возьму билет и — домой в Киев, потом, может, приду в себя и вернусь. Вот в таких сомнениях просидел, пока не подошел человек: «Ты чего здесь сидишь столько времени?» — «Да вот работы привез, хочу поступать». — «Покажи. Я сам закончил операторский у Бориса Израилевича Волчека. Если понравится, отведу тебя к нему». Посмотрел, все нормально. Я сдаю ра-

боты. Допускают до экзаменов. Сдаю фотокомпозицию — пять, сдаю «гипс» — пять. Для третьего экзамена нам дают кодированную пленку, определенное время и отправляют на территорию ВДНХ. У всех равные условия. Кто что снял, то и снял. Я проявляю пленку и вижу в темноте, как мне подсовывают вместо проявителя что-то другое. Молчу. Беру проявитель (как я выяснил, позитивный), разбавляю его в пять раз и проявляю своим методом. Напечатал, никому ничего не сказал. Получил пять. Впереди — физика. Кое-что из билета знал, что не знал — вытаскил шпаргалку. Меня засекли. И все.

Поехал с ребятами в кассы «Аэрофлота», чтобы взять обратные билеты, сунул руку к карману, а денег нет — оставил в общежитии. Думаю, судьба. Надо вернуться во ВГИК, и с Волчеком я еще не познакомился. Покажу ему работы, он сделает какие-то замечания. Волчек занят, жду его, как солдат на часах. Подходит декан факультета Ильин: «У тебя хорошие работы, но тебя выгнали за шпаргалку. Приезжай на следующий год». Все равно стою, жду. В общем, Волчека я дождался, показал содержимое моей папки, все ему объяснил. Он вызывает Ильина: «Роман Николаевич, вы же знаете, я вас никогда не просил. Оставьте парня, хочу, чтобы он у меня учился».

Волчек для меня святое, он для меня как отец. Потом был Параджанов. А во ВГИКе еще была замечательная Лидия Павловна Дыко.

— Волчек «Мольбу» видел? Что он тебе сказал?

— Он меня поздравил. — А как Абуладзе тебя выбрал на «Мольбу»?

— Он приехал в Киев, а я как раз снял с Параджановым «Киевские фрески» и хотел этим фильмом защититься. Картину обвинили бог знает в чем и закрыли. Ее спасло только то, что я избрал ее в качестве диплома, и это дало возможность напечатать копию. Иначе материала фильма вообще бы не существовало. Анатолий Дмитриевич Головня сказал: «Хочешь получить «три», — защищаясь, но зачем тебе портить биографию. Немедленно снимай другой диплом». И я снял фильм о балете «Сегодня — каждый день». Это моя любимая картина.

— И Абуладзе увидел эти работы?

— Абуладзе увидел их, и через три дня я получил телеграмму с «Грузия-фильм», что меня приглашают на съемки.

На «Мольбе» было то, что бывает очень редко, — единение. Про «Мольбу» я могу много рассказывать. Это картина о поэте и его внутреннем мире. И этот внутренний мир мне надо было сделать каким-то необычным, снять на особой пленке, контрастной пленке. Есть такая техническая пленка, ее используют в фотографии для пересъемки текстов. В кино — это брак с точки зрения ОТК. А мне эта контрастная пленка необходима была, чтобы отбить реальный мир от нереального — только черное и только белое. Когда я сделал пробу, Абуладзе понравилось. Я предложил главному инженеру «Грузия-фильм» заказать на Казанской фабрике двадцать тысяч метров пленки. Он сказал, что эту проблему могут решить только в Госкино. Мы приезжаем в Москву. Я на всякий случай говорю Абуладзе, что никто из начальников решение этой технической проблемы на себя не возь-

Экран и сцена